

Современные лингвистические парадигмы и новые подходы в теории и практике перевода

Татьяна Караичева

В статье анализируются современные парадигмы лингвистических исследований — функционально-коммуникативная и когнитивная — и выявляются те положения, на основе которых выполняются исследования, релевантные для новых подходов к теории и практике перевода и методике формирования переводческой компетенции.

Лингвистические основы подготовки переводчиков в профессиональных сферах не филологического профиля все более привлекают внимание лингвистов, связанных с обучением иностранному языку в вузах. Отсутствие глубоких теоретических основ, которые дает специальное лингвистическое образование, затрудняет освоение закономерностей перевода для специалистов в других областях, хотя именно здесь возрастает потребность в квалифицированных переводчиках для осуществления непосредственных профессиональных контактов и внедрения новых открытий и технологий, описанных в источниках на иностранных языках. Данное противоречие тем более усиливается для специалистов-международников, которым присваивают квалификацию «переводчик-референт», для чего они должны прослушать курс теории и практики перевода. И если по практике перевода накоплен и обобщен значительный опыт в таких отраслях, как экономика и менеджмент [25, с. 2004]; право [1, с. 29]; общественно-политический и научно-технический перевод, то теоретическая база перевода по-прежнему во многом основывается на трудах, ставших заслуженно классическими [3; 23; 28; 31], которые полагают знание основ лингвистики в качестве исходной точки. Эти авторы отражали и обобщали и исследования на других языках, где также преобладали достаточно ригористичные подходы. Однако, будучи учеными-лингвистами, многие из них прошли и суровую школу практики устного перевода, не связанного с филологией, поэтому их работы намечают использование парадигм, выходящих за рамки собственно лингвистики, тем более жестко детерминированной структурной лингвистики, царившей в те времена. Это и обращение к теории размытых множеств при определении соотношения семантики знаков при переводе, а также включение прагматического компонента в значение единицы перевода у Л. С. Бархударова [3, с. 74—83, 106—107], и учет психолингвистических основ и принципов перевода, а также его коммуникативной сущности у А. Д. Швейцера [31, с. 15—25, 152], и использование формально-логических категорий при описании лексических трансформаций у Я. И. Рецкера [23, с. 38—39]. Сюда можно также добавить положение о связи частотности константных эквивалентов со смысловой емкостью текста у А. В. Фёдорова [28, с. 280—284] и подчеркивание когнитивных аспектов языка и взаимной интерпретируемости языковых знаков у П. И. Копанева.

Однако опыт «золотого века» преподавания перевода в 1960—1970-х гг. освоен далеко не полностью [21] и продолжает питать исследования по теории перевода и методике обучению переводчиков и в наши дни. Новейшие исследования в значительной степени продолжают заложенные традиции. Дальнейшее развитие намеченных исследовательских подходов и выдвижение на первый план новых лингвистических парадигм: функционально-коммуникативной и когнитивной, позволило представить проблемы и закономерности перевода в формах, более соответствующих типу мышления и подготовке студентов и специалистов, которые не являются лингвистами или филологами. Говоря о том, что «на современном этапе теория перевода только начинает оформляться в самостоятельную научную дисциплину», ученые подчеркивают не столько междисциплинарный статус этой науки, сколько междисциплинарные подходы, необходимые для полного выявления всех аспектов этого сложного явления, как перевод [8, с. 206].

Один из таких подходов может базироваться на теории речевых актов, а сам перевод рассматривается как сложный коммуникативный акт особого рода — билингвальный, с различными соотношениями владения предметной ситуацией, фоновыми знаниями, декларируемыми и скрытыми интенциями и т. д. Разработанный на основе предложенной А. Д. Швейцером семиотической концепции и функционально-прагматической модели [31], такой подход позволяет моделировать перевод как процесс, «частный и усложненный случай коммуникативной деятельности» [16, с. 155], внутри которого передача информации различного рода структурируется различным образом. Целью является сохранение «инварианта перевода», информации необходимой и достаточной для достижения необходимого коммуникативного эффекта, адекватного поставленной задаче [18].

Такая модель позволяет устанавливать эквивалентные соответствия на уровне функционально-стилистических единств — форматов/жанровых разновидностей, которые обладают константными характеристиками и средствами выражения в соответствующих языках. Например, форматы делового письма [9], дипломатической переписки [19], тезисы, резюме [26].

Динамизм функционально-коммуникативной модели позволяет показать, что при почти полном совпадении владения предметной ситуацией у говорящих на разных языках резко сужается так на-

зываемая зона интуитивного [22], и передача смысла может идти не через поиск готового эквивалента, а через объяснение — парафраз понятия.

Многочисленные исследования на основе теории речевых актов позволили исчислить речеповеденческие акты различных типов. Некоторые из этих исследований являются сопоставительными [7]; в других создаются модели описания и продуцирования речи в различных жанрах общения. Н. Д. Арутюнова [2, с. 650—659] предложила 5 типов жанров общения: 1) информативный диалог (*make-know discourse*); 2) прескриптивный диалог (*make-do discourse*); 3) обмен мнениями с целью принятия решений или выявления истины (*make-believe discourse*); 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (*interpersonal relations discourse*); 5) праздноречевые жанры (*fatic discourse*). Эта классификация была значительно детализирована в зависимости как от иллюкативной силы высказываний [12], так и от варьирования «фактора адресата». Применение полученных моделей и параметров при сопоставлении аналогичных жанров в парах языков может дать необходимый справочный материал для практики перевода, особенно для дискурсов (текстов) достаточно жесткого формата в ограниченном наборе коммуникативных ситуаций и ролей. Как отмечает Н. Н. Гавриленко [6, с. 73], ситуации общения, в которых создаются жанры специального дискурса и будет осуществляться перевод, и ситуации общения, в которых осуществляются коммуникативные акты, релевантны профессиональной деятельности переводчика, и поэтому соответствия устанавливаются на уровне достаточно крупных смысловых блоков, значительное количество которых стандартизировано и описано в виде межязыковых соответствий. Можно отметить в этом плане словари и справочники научной речи на английском и русском языках [24; 30].

Представление перевода как коммуникативного акта, где переводчик занимает ключевое положение в цепочке перекодирования информации неизбежно заострило проблему переводимости, сохранения/потери смыслов, обусловленную во многом экстралингвистическими факторами: различиями в культурах и стереотипах поведения [20].

Однако роль этих различий для профессионала-переводчика в области профессиональной коммуникации ниже, нежели для перевода в других областях, в первую очередь, художественного перевода и перевода публицистики.

Гораздо более значимыми является овладение структурами представления знаний, научной и языковой картины мира. Это входит в предметную составляющую переводческой компетентности при профессиональной коммуникации [6, с. 38], но эти же структуры и механизмы характеризуют познавательную деятельность вообще. Бурное развитие когнитивной лингвистики в последние десятилетия дало мощный толчок и новым направлениям в теории перевода. Так, «размытые множества» семантических пересечений Л. С. Бархударова, реинтерпретированные в логико-философской концепции П. И. Павилениса явились одной из форм описания концептуальной картины мира в более обширных фрагментах-концептах, внутреннее членение которых различается в различных языковых картинах мира и языковых системах [13, с. 9]. Расширительная трактовка концепта подводит под это обозначение разносубстратные единицы оперативного сознания — представления, образы, понятия [14, с. 142]. Эти разносубстратные единицы могут реализовываться/манифестироваться через языковые единицы, принадлежащие различным уровням языковой системы [10]. Когнитивная парадигма, как отмечает Е. С. Кубрякова, требует привлечения «не только собственно языкового знания, но и знания экстралингвистического; в основе новых моделей языка должен лежать тезис о взаимодействии различных типов знания» [15, с. 45]. Описанные в рамках когнитивной парадигмы формы представления, организации и хранения знаний являются по сути универсальными, совпадают в своей основе в разных культурах и являются вместе с тем формами учебной познавательной деятельности. Поэтому формы организации фрагментов семантического континуума через средства разных языков удобно сопоставимы через ментальные (когнитивные) карты, сценарии и фреймы [27].

Приведенные подходы и положения современной теории перевода позволяют формировать необходимую переводческую компетенцию у широкого круга специалистов в различных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, В. В. Юридический перевод / В. В. Алимов. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 160 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
4. Беляев, И. А. Англо-русский словарь трудностей научно-технической лексики / И. А. Беляев. — М.: Р. Валент, 2007. — 352 с.
5. Борисова, Л. И. Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык / Л. И. Борисова. — М.: НВИ-Тезаурус, 2002. — 212 с.
6. Гавриленко, Н. Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации / Н. Н. Гавриленко. — М.: РУДН, 2008. — 176 с.
7. Гладко, М. А. Языковые средства аргументирования в юридической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Гладко. — Минск, 2009.
8. Грабовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Грабовский. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 272 с.
9. Деловая переписка на английском и русском языках. — Budapest: Pannonart Kft., 1996. — 270 с.
10. Караичева, Т. В. Некоторые закономерности перевода английских структур с производным именем деятеля на русский язык / Т. В. Караичева // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. № 15. — М.: Междунар. отношения, 1978. — С. 49—59.
11. Караичева, Т. В. Номинационный деривационный ряд — подсистема средств номинации / Т. В. Караичева // Вестник БГУ. — Сер. 4. — 1998. — № 1.

12. Козин, А. Н. Вопросно-ответные единства: синтаксис и прагматика (на материале русских и английский пресс): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Козин. — Минск, 2008.
13. Концептуальный анализ языка. Современные направления исследования. — М., 2007.
14. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников [и др.]. — М.: Наука, 1988. — С. 141—172.
15. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М., 2004.
16. Лебединский, С. И. Теория и практика перевода: пособие / С. И. Лебединский, В. В. Ревцкий, А. М. Забелло. — Минск: БГУ, 2001. — 159 с.
17. Линн Виссон. Синхронный перевод с русского на английский / Линн Виссон. — М.: Р. Валент, 1999. — 335 с.
18. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М., 1996. — 207 с.
19. Муратов, Э. Н. Дипломатические документы и дипломатическая переписка на английском языке / Э. Н. Муратов. — М.: АСТ, 2001. — 224 с.
20. Нелюбин, Л. Л. Переводоведческая лингводидактика / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. — М.: Наука, 2009. — 320 с.
21. Палажченко, П. Р. Как учить переводу: проблемы и опыт / П. Р. Палажченко // Мосты. — 2007. — № 4 (16). — С. 65—66.
22. Пиввуева, Ю. В. Пособие по теории перевода (на английском материале) / Ю. В. Пиввуева, Е. В. Двойнина. — М.: Филома-тис, 2004. — 304 с.
23. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 216 с.
24. Рябцева, Н. К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики / Н. К. Рябцева. — М.: Наука, 1999.
25. Слепович, В. С. Курс перевода: английский — русский / В. С. Слепович. — Минск, 2003.
26. Слепович, В. С. Практический курс перевода с русского языка на английский / В. С. Слепович. — Минск, 2004.
27. Трегубова, Ю. О. Сфера образования в американской и британской лингвокультурах. Фреймовый подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю. О. Трегубова. — Волгоград, 2007.
28. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. — СПб.: СПбГУ, 2002. — 414 с.
29. Федотова, И. Г. Юридические понятия и категории в английском языке. Ч. 1, 2 / И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко. — Об-нинск, 1999.
30. Циммерман, М. Русско-английский научно-технический словарь переводчика / М. Циммерман, К. Веденева. — М., 1991.
31. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — 215 с.

**«Modern Linguistic Paradigms and the Relevant Approaches to the Theory and Practice of Translation»
(Tatiana Karaicheva)**

The article discusses some new paradigms of linguistic research, namely, the communicative-functional and cognitive paradigms to identify the ideas underlying abundant specific studies, whose results form the basis for new relevant approaches to the theory and practice of translation as well as to developing translating and interpreting competence.